

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: **Космические мотивы в поэзии Е. Баратынского**

Исполнитель Балакирева Екатерина Вадимовна

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор филологических наук, профессор

(ученая степень, ученое звание)

Ерофеева Наталья Евгеньевна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой _____

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

«4» июня 2024 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2024

Содержание

Введение	5
Глава I .Тема космоса в русской поэзии первой половины XIX века	9
1.1. Е. А. Баратынский и русская поэзия в первой половине XIX века	9
1.2.Теодиция и русская поэзия первой половины XIX века	15
1.3 Космос в ранней поэзии Е. А. Баратынского	21
Глава II. Теодицея Баратынского. Космос и космические мотивы	29
2.1. Космические и космологические мотивы в лирике Е. А. Баратынского .	29
2.2.Философская лирика Е. А. Баратынского	39
2.3 Теодицея в произведениях Баратынского	52
Заключение	56
Список литературы	58

Аннотация

В работе дается анализ космических мотивов в поэзии Е. А. Баратынского. Изучение эстетических и философских исканий поэта позволило сделать вывод, что лирический герой Е. Баратынского не просто ощущает себя частью вселенной, но и становится выразителем настроений самой Природы, Космоса. Во многом следуя традициям романтиков, поэт обращается к космическим мотивам, которые находят отражение в образах и главных темах – смерти, одиночества, любви, разочарования – в его произведениях: стихотворениях и элегиях «Сумерки», «Осень», «Смерть», «Череп» и др.

Материал работы будет полезен всем, кто интересуется творчеством русского поэта.

Введение

Евгений Абрамович Баратынский (Боратынский) (1800-1844) прожил недолгую жизнь, но вошел в историю русской литературы как поэт-философ, в творчестве которого много размышлений о космосе и вселенной, природе и судьбе. Его перу принадлежат не только красивые лирические стихи, прославившие его как поэта-романтика, но и ряд поэм, принесших ему настоящую популярность и известность – «Эда» (1826). «Пир» (1826), «Бал» (1828), «Цыганка» («Наложница», 1831).

Он был сыном своего века. Среди его друзей В. Кюхельбекер, А. Дельвиг, Д. Давыдов. Его стихи печатались в альманахах «Полярная звезда» А. Бестужева и К. Рыльева, «Северные цветы» Дельвига, в журналах «Московский Телеграф», «Европеец». Е. Баратынского признавали великим поэтом, а противники, сторонники А. С. Пушкина, нападали на его произведения, переполненные, по их мнению, романтизмом. Сам же А. С. Пушкин высоко оценивал творчество Е. А. Баратынского, и его мнение для нас значимо: «Он у нас оригинален - ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» [Пушкин А. С., 1959-1962; Т. 6].

Однако в 1835 году В. Г. Белинский написал: «Часто думаю я о том, какое резкое отличие находится между поэзией первобытных народов и поэзией новых народов, которых религия, цивилизация, просвещение и литература образовались под разными чуждыми влияниями. Представьте себе народ, у которого еще нет ни идеи творчества, ни слова для выражения этой идеи, а есть уже само творчество. Кто открыл ему эту тайну, кто навел его на эту мысль? Одна природа и больше никто.» [Белинский В. Г., 2017: 1]. Именно он назвал поэта «русским Гамлетом», предлагал почувствовать мысль поэта, не уподобляя его сочинения пушкинским: «они написаны человеком, для которого жизнь была не сном, который мыслил, чувствовал, которого занимали и интересовали предметы человеческого уважения, но ни одно из

них не западет вам в душу, не взволнует ее могущею мыслию, могущим чувством, не истомит ее сладкою тоскою и не наполнит тревожным упоением, от которого занимается дух и по телу пробегает электрический холод» [там же: 12], но в то же время многое в творчестве Е. Баратынского он не принимал, негативно оценивал, например, поэмы Е. Баратынского. Такая неоднозначная реакция на сочинения поэта находит отражение в исследованиях разных лет, о чем свидетельствуют работы таких ученых, как Т. Е. Абрамзон, Т. А. Алпатова, Ю. Ю. Анохина, Д. Бартон, А. М. Валуев, М. М. Гельфонд, Е. А. Омарова, К. А. Поташова и другие. Важное место в истории изучения наследия поэта занимают монографии таких ученых, как И. М. Семенко, Л. Г. Фризман, Г. Хетсо.

Анализ литературы показал, что отдельно космические мотивы в поэзии Е. Баратынского рассматривались редко и требуют дополнительного изучения. Этим обусловлена **актуальность** нашей работы. Актуальность обусловлена также тем, что традиции космоса в российском художественном творчестве вызывают постоянный интерес не только у философов и историков, но и у филологов.

Космизм, который оформился в самостоятельное философское и религиозное учение в конце XIX века, в русской литературе имеет глубокие национальные корни. Прежде всего, речь идет о славянской традиции.

Для славян была характерна вера в небесно-космическую роль в жизнедеятельности людей. Такие небесные тела, как Солнце, Луна, Звезды активно принимали участие в жизни человечества. Люди всегда хотели вникнуть и понять тайны космоса. Человек всегда ощущал себя частью Природы и мира. Не исключение и лирический герой Е. Баратынского.

На особенности русского космоса обращала внимание исследователь С. Г. Семёнова, которая разрабатывала историю русского космизма, много размышляла о личном бессмертии. Подробнее об этом статья И. Ю. Александрова «Концепция русского космизма» [Александров И. Ю., 2023].

Главная особенность русского космизма в утверждении мысли о необходимости активных изменений, направленных на изменение земного мироустройства с целью обретения новой реальности. Особенности русского космизма более позднего периода подробно изучены в диссертации М. А. Абрамова «Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность» (2007).

Столкновение идеала и реальности, творчества и обыденности, характерное для романтиков, во многом близко поэтике Е. А. Баратынского, за что его и ругали современники и причина, почему не понимали декабристы.

Е. А. Баратынский-философ направлен на свое «я», на свой внутренний мир, который стремится привести к гармонии с природой, вселенной даже в любви. Не случайно в его поэзии будем говорить о любви, одиночестве, смерти.

М. Н. Дарвин отмечал, что «космос российской литературы можно увидеть не в конкретных образах и особенно не в конкретных «космических» понятиях, а в первую очередь в том духовном понимании причастности миру, которое описывается стихами в его целостности. В состоянии духовного диалога Я с Миром. Такой диалог бывает не виден. Очень часто он тайный, но в стихах такой диалог всегда можно ощутить» [Дарвин М. Н., 2019: 11].

Размышления о Вселенной, земном и небесном, времени и его быстротечности характерны и для произведений Е. А. Баратынского. Космические мотивы в его поэзии часто наполняют его тексты глубинным смыслом. В этом плане важное значение имеют слова исследователя русского космизма Ф. И. Гиренка: «Русский космизм потому и называется русским...что космос в нем предстает в изначальном смысле слова «вселенная», т. е. как дом, в который еще надо вселиться. Но не поодиночке, а всем миром» [Гиренок Ф. И., 1990: 10].

Объект исследования – творчество Е. А. Баратынского

Предмет исследования - космические мотивы в поэзии Баратынского.

Цель исследования – анализ космических мотивов в поэзии Баратынского.

Задачи исследования:

- проследить пути развития темы космоса в русской поэзии в первой половине XIX века,
- рассмотреть творчество Е. А. Баратынского в контексте русской поэзии первой половины XIX века,
- проанализировать космические мотивы в поэзии Е. А. Баратынского («Сумерки», «Разуверение», «Признание», «Череп», др.).

Методы исследования: системный анализ на основе историко-культурологического подхода.

Научная значимость в том, что дается анализ мира поэта Е. А. Баратынского, нашедшего отражение в космических мотивах и образах его произведений «Осень», «Сумерки», «Разуверение», «Признание» и др.

Теоретическая значимость заключается в уточнении понятия космизм в поэзии Е.А. Баратынского.

Практическая значимость – результаты исследования могут быть использованы в процессе изучения русской поэзии первой половины XIX века.

Методологическую основу работы составили труды таких ученых, как Т. Е. Абрамзон, Т. А. Алпатова, Ю. Ю. Анохина, А. Ю. Балакин, Д. Бартон, М. Биджиева, А. М. Валуев, М. М. Гельфонд, Ф. И. Гиренок, О. В. Голубева, Д. И. Гребенюк, Н. П. Жилина, В. И. Козлов, Д. К. Манежина, А. В. Марков, А. Мартыненко, В.В. Никульцева, Е. А. Омарова, Н. В. Патроева, Н. Н. Попова, С. В. Рудакова, А. О. Тихомирова, Л. Г. Фризман, Гейр Хетсо.

Материал исследования. Стихотворения и поэмы Е. Баратынского «Осень» (1837), «Сумерки» (1842), «Разуверение» (1821), «Признание» (1824) и др.

Структура работы: Дипломная работа включает в себя введение, две главы, шесть параграфов, заключение и список литературы.

Глава I .Тема космоса в русской поэзии первой половины XIX века

1.1. Е. А. Баратынский и русская поэзия в первой половине XIX века

Первая половина XIX века – это особенный период в истории российской литературы. В поэтических салонах, на страницах журналов наблюдалась борьба представителей разных поэтических направлений, таких как классицизм и сентиментализм, просвещение и только-только появившийся романтизм. Одним из первых направлений стало философское, которое определяло содержание произведений поэтов разных художественных систем особенно у романтиков.

Литературе отводится огромная роль в эволюции российской и духовной жизни народа. Именно она была столько способом познать жизнь, но и сильным орудием в борьбе за ее изменение, освобождение и независимость индивидуума.

Многие исторические события повлияли на развитие литературы этого периода: Отечественная война 1812 года, восстание декабристов, русско-турецкая война, отголоски французской революции. Одним словом, русская поэзия воспринимала историю страны как часть большого мира чем и обусловлено обращение к теме космоса.

Служителей муз привлекло народное творчество, разные жанры которого вошли в их творения. Появлялись книжная торговля, журналы, библиотеки, театр. В литературе и языке постепенно возникали черты нового.

Всем известный термин «золотой» распространяется на первую половину, вернее на 1800–1840-е годы. Для данного времени характерен беспрецедентный подъем творчества, в который работали такие гениальные поэты, как Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, и многие иные. Как отмечает Ю. Ю. Анохина: «Искусство вобрало в себя все самое прекрасное и

доброе, могучее и неповторимое, что есть в русской душе, в русском народе» [Анохина Ю. Ю., 2018: 60].

У российских поэтов очень остро стояла необходимость в самовыражении и своих чувств, что стало причиной возникновения нового образа в поэзии – лирического героя, именно это ярко проявилось в таком направлении как романтизм, главная особенность которого – это сосредоточится на своем внутреннем мире и чувствах героя литературного произведения, а также его взаимные отношения с иными героями.

Основой такого художественной направления, как романтизм является индивидуум. Главный конфликт заключается между индивидуумом и общественностью. Индивид, личность у романтиков – это страстный, одержимый творчеством художник, поэт или композитор. Однако Е. Баратынский говорил и о том, что страсти бывают высокими, как, например любовь и ее проявление, и низменные, такие, как зависть, жадность, скупость, честолюбие [Баратынский Е. А., 1989: 476].

Русские поэты-романтики по-своему отражали вопросы времени, нередко с оглядкой на мистическое. Об этом знаменитые произведения В. А. Жуковского, например, «Светлана». Идиллией пронизаны строки стихотворений о весне в стихотворении «Весна, весна!» у Е. А. Баратынского. Русские поэты активно осваивали европейскую романтическую традицию, наполняли ее философским и социальным смыслом.

В начале 1800-х в российской литературе преобладает сентиментализм, который имеет тесную связь с поэтом Карамзина и его учеников. И, наконец, в 1803 году в книжных магазинах появилась монография А. С. Шишкова, которая называлась «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка», в которой «новый слог» подвергался критике. Ученики изменений в прозе и поэзии, введенных Н. М. Карамзиным, написали последователю классицизма А. С. Шишкову очень гневный ответ. Это положило начало длительному спору, в который были вовлечены все литературные силы рассматриваемой эпохи [Манежина Д. К., 2015: 55].

В чем причина того, что спор по специальному литературному вопросу получил такое общественное значение? Это, в первую очередь связано с тем, что за обсуждениями о слове скрывались проблемы философско-социальной направленности: как показать индивидуума начала XIX века, кого считать положительным, а и кого отрицательным героем, что понимать под свободой и патриотизмом. Отголоски событий 1812 года здесь также нашли свое отражение.

Близким классицизму направлением было просвещение, в котором тема политика и философии тематика, была главной, наиболее часто они использовали такой жанр, как ода. Но просветители оду из классицистического жанра переделали в лирический. Это связано с тем, что самой главной своей задачи поэт-просветитель видел в том, чтобы написать о собственном гражданском мнении, расписать чувства, которые он испытывает. В XIX веке творчество декабристов-романтиков тесно взаимосвязаны с идеями просветителей.

Важное место в полемике о литературе занимали вопросы чувств. личных переживаний, нового осмысления человека в обществе и мире в целом. Сторонники просветительской концепции в искусстве упрекали сентименталистов в «притворной чувствительности», «ложном сострадании», чрезмерных «любовных вздохах» «страстных восклицаниях на страницах произведений.

У сентименталистов, хоть и имевших большую (с позиции современного человека) меланхолию и чувствительность, имелся неподдельный интерес к индивидуальности личности, его чертам характера. Как указывает А. В. Марков, именно в их произведениях виден интерес к обычной, простой личности, его внутренним ощущениям. В сентиментализме показан такой герой – реальная личность, к которой проявляют интерес иные личности. В самом художественном издании данный герой переживает обычную, ежедневную жизнь. Именно Н. Карамзин начал показывать в своих книгах эту

жизнь. Например, в «Рыцаре нашего времени» показан список подомных героев [Марков А. В., 2020: 178].

Романтическая лирика – это главным образом произведения о настроениях в обществе. В книгах романтиков наблюдалась пошлость обыденной жизни, у них был интерес к душевности и эмоциональности сущности индивидуума, ее стремлению к таинствам бесконечного в идеальном человеке. Нововведения романтиков в произведениях художественной направленности, были попыткой познать реальность, в них можно проследить спор с главными идеями эстетики просвещения, заявлением, что искусство представляет собой копию природы. Романтики настаивали на утверждении о преобладании искусства. Поэт-романтик считает собственную персону созидательной, создающую собственный мир, так как уклад жизни, который имеется, не кажется подходящим. Реальность, в которой наблюдается много не решаемых противоречий, подвергалась романтиками очень серьезной критике. Мир душевных переживаний считается поэтами полной загадок и таинств, мечта об идеале прекрасного, и о нравственной и этической гармонии транслировалась ими больше, чем многие идеи.

Романтизм стал новым литературным направлением в российской империи. Поэты-романтики не просто пишут свои книги, они являются созидателями своей жизни, которая в итоге превратила их жизнь в «нравственную историю». В будущем в российском искусстве стала постоянной идея о тесной взаимосвязи искусства и собственного воспитания, облике жизнедеятельности художника и его творений. Это ярко описано в размышлениях Н. В. Гоголя в романтической повести «Портрет».

У поэзии данной эпохи наблюдалась одна особенность – поэзия безоговорочно главенствовала над прозой. Считается, что у А. С. Пушкина были предтечи, которые подготовили почву для его творчества, как и поэты-современники, среди которых были и друзья, и соперники. Среди них особо выделялся Е. А. Баратынский, с которым он был лично знаком. По

свидетельствам современников, оба поэта уважали друг друга и никогда не были соперниками в творчестве.

Среди тех, кто продолжал традиции просветителей в русской литературе начала века, стоит указать Ивана Андреевича Крылова (1769–1844). Его творчество традиционно ставят у истоков российского реализма.

В XIX веке важными темами в поэзии стали национальная идентичность и история. Поэты исследовали исторические события, легенды и мифы, чтобы выразить свою привязанность к своей стране и народу. Ими руководило стремление сохранять и передавать национальное наследие и культуру в своих стихах. И это далеко не все темы и мотивы, которые были в стихах XIX века. У каждого поэта было свое собственное предпочтение, потому в поэзии можно найти множество других, отличных друг от друга, тем и мотивов.

XIX век был полон множеством исторических событий, которые также оказали не малое влияние на формирование литературы того времени. Французская революция, одно из ключевых событий того века, привела к свержению монархии. Произошедшее вдохновило многих поэтов и писателей на создание произведений с политическим посылом, на основе своих взглядов. Многие выступали за свободу идеалов, равенство и борьбу с тиранией. Индустриальная революция в Великобритании, также оказала влияние. Этот период способствовал быстрому развитию городской жизни и промышленности, что сказывалось на произведениях и мыслях, которые транслировали авторы.

Все это, безусловно, приводило к изменениям в стиле жизни и обществе и вызывало множество социальных проблем, таких как эксплуатация рабочей силы, неравенство и утрата традиционно-принятых ценностей, которые размышлялись на фоне всех событий. В своих стихах многие поэты старались отразить переживания и тревогу, не теряя надежду на лучшее будущее и исход. Политические и социальные изменения в XIX веке не прошли незамеченными, к ним относили борьбу за права женщин и рабов и независимость. Все это побуждало авторов писать про свои идеи о свободе и справедливости.

Е. А. Баратынский, безусловно, был одним из самых талантливых литераторов Золотого века в России. Его произведения оказывали сильное влияние на российскую поэзию. Он внес большой вклад в российскую романтическую литературу. Евгений Абрамович придавал своим стихам глубину эмоций, которые были прописаны философией и думами о различных ситуациях, которые так или иначе влияли на писателя. Стиль, придуманный Баратынским, был легок на чтение, но наполнен эмоциями, сочетая в себе эстетическую красоту и философию. Подобные произведения вдохновляли авторов последующих лет, ведь содержали в себе изысканный и элегантный стиль, совмещенные с серьезными размышлениями и рассуждениями о будущем людей и жизни. Своими размышлениями он давал ответы на многие вопросы, которые оставляли без ответов другие лирики и читатели. Баратынский один из первых в российской поэзии начал отвечать, на то, что ранее оставалось без комментариев.

Евгений Абрамович и отрицали, и восхваляли. Много раз строки из его стихотворений использовались в качестве эпитафий в произведениях других авторов. Его уникальный взгляд на эстетику красоты, его философские взгляды также повлияли на становление литературы того времени.

А. Пушкин восхищался его способностью через короткую эпиграмму высказать свое отношение к литературе, обратить внимание на суть критикуемого предмета, как, например, в эпиграмме «В своих стихах он скукой дышит...», написанной в 1821 году и адресованной Адаму Мицкевичу:

В своих стихах он скукой дышит,

Жужжаньем их наводит сон.

Не говорю: зачем он пишет,

Но для чего читает он?

[Все стихи Баратынского: [электронный ресурс].

Е. А. Баратынский и его творчество получили признание как при жизни автора, так и после, оставляя глубокий отпечаток в душе у поэтов и читателей.

Критики ни раз отмечали, что поэзия Е. Баратынского пронизана глубиной мысли, совмещенной с эстетической красотой и изысканным стилем.

В своих произведениях автор обращался к вечным темам, таким, как любовь и смерть, судьба и природа.

Е. А. Баратынский был признан одним и выдающихся русских поэтов своего времени. Его ценили как литературного авторитета и уважали за его вклад в русскую литературу.

Поэзия Е. Баратынского не утратила своей актуальности и после кончины поэта, потому что привлекает разные поколения читателей и исследователей литературы своими глубокими философскими изысканиями, она пронизанная идеями духовного поиска. Значительное влияние на становление его мировоззрения оказала теодицея, получившая развитие в русской поэзии первой половины XIX века.

1.2. Теодицея и русская поэзия первой половины XIX века

Теодицея – религиозно-философская доктрина, направленная на оправдание Бога и его управление Вселенной. Чаще всего она пытается ответить на вопрос «Почему существует зло, если Бог великодушный, добрый и всемогущий?». Подобная доктрина призывает углубляться в философию в поисках ответа на вопрос, который крутился у многих. «Зло» субъективно, это одна из позиций, которую транслируют приверженцы учения. Хотя подобный вопрос может говорить как за, так и против доктрины, ведь он очень размыт настолько, что ответить можно как в положительном, так и в отрицательном ключе.

Эстетико-космологическая теодицея – «оправдание мира», где Бог не игнорирует зло, а позволяет ему существовать во благо равновесия и баланса в мире. Согласно с этой теорией утверждают, что любое зло существует для

чего-то и во благо. Баланс в мире — это основной ответ на вопрос о том «почему Бог допускает зло?».

Оправдание Бога-одна из философско-религиозных тем, которая прослеживается в литературе первой половины XIX века, где русские поэты размышляют о справедливости жизни и милосердии Бога. Часто они поднимают такие темы как страдания человека и должны ли они быть, смысле существования Бога, который позволяет существовать злу и о самой концепции божества. Некоторые писатели упоминали эту тему не только в очерках.

Социально-политическая ситуация в России в начале XIX века была самой благоприятной для эволюции философии. Большинство мнений, созданных в анализируемый период, привели к постоянным спорам о настоящей российской идее. О российском понятии «космоса» и «космизма» в литературе много филологов и сейчас не сформировали конкретного мнения: кто-то считает его сторонников сектантами, а кто-то связывает его появление с переходом на новый этап эволюции людей.

Первое мнение о Вселенной в древних культурах связано с позицией о том, что космосу отводится конкретная роль в жизнедеятельности индивидуума. Миф – это первая стадия эволюция представлений о космосе и создания мнений о космосе как явления [Абрамзон Т. Е., 2018: 3].

Первый теоретический анализ космоса был сделан натурфилософами еще в античные времена.

Вплоть до восемнадцатого века космос тесно переплетался с эзотерикой и оккультизмом, но, когда наступил техногенный период понятия о космосе, расширились.

Эсхатология – система религиозных взглядов и представлений о конце истории, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и ее переходе в качественно новое состояние.

Космизм ловко мимикрировал под христианскую образность: победа Иисуса Христа над смертью, по мнению адептов направления, должна была

стать главной целью человечества. Но церковь критиковала данную философию за отождествление Бога и человека, а также за отсутствие грани между живым и мертвым и за веру в то, что душу возможно переселять в атомарные формы. Ученое сообщество тоже не жаловало космистов, уличая их в тесной связи с псевдонаучными течениями и в отсутствии терминологической определенности. В целом всю русскую философию нередко критиковали за несистематичность. Суть отечественной мысли тонкой иронией сквозила в классической литературе конца XVIII – начала XIX века, где преисполненные западной мудрости лирические герои по обыкновению гибли на дуэлях. Поэтичность русской философии чаще преобладала над рационализмом, и, возможно, поэтому музыка, литература и искусство не просто отражали, а дополняли ее.

Основные идеи космизма можно обнаружить в творческом наследии многих русских писателей и поэтов. Русская поэзия XIX-XX веков, одновременно и наравне с отечественной философией того же периода, в творчестве лучших своих представителей с особой художественной силой выразила чувство глубокой связи человека со всей Вселенной, ощущение всеобщей одухотворенности космоса, реальность миров с более утонченным состоянием материи, закон двойственности бытия и роль сердца во взаимоотношении человек а с иными мирами.

В XIX веке идеи космизма нашли свое отражение в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Е. А. Баратынского, позже у Ф. И. Тютчева, А. А. Фета.

Что такое «небо»? По определению, небо – это пространство над поверхностью земли или любого другого астрономического объекта. Это сухое определение предоставило нам факты, но не раскрыло сути явления. Что заставляет людей из, века в век смотреть на это явление и восхищаться им?

Возможно, это цвета. Ночью, днем, на закате и во время восхода солнца, небо меняет свой цвет. От красочных пятен и ярких цветов до нежно пастельной градиентной заливки. Кого-то небо притягивает из-за своей

недостижимости, а кого-то своими игривыми облачками. А для большей части людей, именно совокупность всех этих факторов сделала небо столь привлекательным. Люди придумали множество определений и сравнений цветам и состояниям небесного купола, облакам, осадкам, совершенно различным в зависимости от времени года и суток.

Александр Сергеевич Пушкин, один из величайших поэтов в истории российской литературы, не раз затрагивал тему теодицеи в своей прозе. Размышление о роли Бога в жизни человека и его судьбы можно увидеть в «Андрей Шенье». Александр Сергеевич, философствуя приходит к выводу, что страдания должны быть приняты человеком и пережиты, ведь любые трудности делают человека сильнее и мудрее, позволяют максимально раскрыть свой внутренний мир.

В трагедии «Моцарт и Сальери» теодицея занимает центральное место и поднимается вопрос роли зла и добра в жизни человека и социума. Пьеса крутится вокруг Сальери, который олицетворяет зависть и в порыве убивает Моцарта, ведь считает, что-то не достоин своего таланта и признания. Зависть один из грехов и является отрицательной чертой человека, которая заставляет героя сомневаться в божественной справедливости и честности. Сальери прикладывает не малые труды к своим работам, но успех Моцарта не может повторить. Считает, что его коллега в пустую растрчивает свои данные и талант, данный от природы, искренне не понимая почему одним будто «дано», а другим нужно прикладывать титанические усилия чтоб добиться признания. Сальери идет на грех в итоге оставаясь со своей совестью наедине, ведь проблема не вокруг, а внутри. Моцарт оказывается выше злобы и зависти говоря, что гении и злодеяния не совместимы и только чистые и добрые достигают успеха. В своих монологах Сальери мучается от зазрений совести и несправедливости мироздания. Зависть приводит героя к еще большему греху-убийству.

«Борис Годунов», еще одно произведение Пушкина, в котором он раскрывает тему неизбежности божественной справедливости, вне

зависимости от того, как сильно человек пытается скрыть злодеяния и как сильно он сопротивляется совести. Главный герой Борис считает, что сможет искупить сой грех принятием власти, но терпит крах и получает божественное возмездие, ведь его царствование превращается в крах. Герой считает, что в желании причинить добро, сеет лишь разруху и зло. Драма учит читателя тому, что зло невозможно оправдать благими намерениями.

Михаил Юрьевич Лермонтов также не редко затрагивал тему теодицеи в своих произведениях, рассуждая на такие темы как: зло и добро, баланс вселенной, справедливость и страдания. Теодицея находит отклик в душе поэта наталкивая на философские мысли о несправедливости мира, которые безусловна терзали душу юного литератора. В своих произведениях он ни раз пытается ответить на главный вопрос теодицеи, чаще всего противопоставляя добру зло, светлым душам гниющую темную и искренности притворство.

«Демон»-поэма, в которой главный герой, падший ангел, находится в вечной тоске по своему доброму образу, ведь теперь до конца веков вынужден оставаться злым. Лермонтов через Демона пытается исследовать и представить читателю зло, как ту неотъемлемую часть мироздания, которая будет всегда, а также есть возможность оправдать зло. До своего падения, главный герой был светлым и добрым существом, но после обращается в вечное зло и испытывает тоску от того, что больше никогда не сможет быть добром. Герой надеется получить спасение от любви, такого светлого и искреннего чувства, но, к сожалению, Демон является заложником судьбы, обретенным на вечные скитания и страдания. М. Ю. Лермонтов транслирует такие позиции как: любовь может излечить даже самую израненную и темную душу, но, к сожалению, в тексте читатель так и не увидел счастливой любви, вера способна спасти и защитить от зла, так Тамара не поддаваясь уговорам Демона и была благословлена Богом. Основной темой безусловно принято считать борьбу добра и зла, ангела и демона. Ангел и Демон сидят в душах каждого и не позволяют делить людей только на хороших и плохих.

Лермонтов на примере Демона и Тамары показывает обе части человеческой души, которые находятся в вечных сомнениях и перипетиях.

Еще одна поэма М. Ю. Лермонтова в которой прослеживается влияние теодицеи это «Мцыри». Судьба играет с главным героем злые шутки в его стремлении к свободе, счастью и поиску себя и своей роли в этом мире. Философские размышления о страданиях и несправедливости жизни раскрывают персонажа как глубокую и многогранную личность. Герой вступает во внутреннюю борьбу с самим собой и пытается понять «почему невинные должны страдать?» и как к этому причастен Бог. Именно вера губит героя будто заключая в моральную тюрьму выходом из которой будет лишь смерть. Стремление к свободе, по мнению Лермонтова, ключ к счастливой и не бесцельно прожитой жизни и не всегда путь будет чистым без терний, но любые жертвы помогут и подтолкнут к цели.

Тема теодицеи пронизывает творчество Лермонтова и наталкивает автора на философские размышления, позволяя и читателю углубиться в думы о зле и роли Бога в жизни и судьбах людей. Многие герои поэта не делятся только на добрых и злых, они многогранны и противоречивы в своих действиях. Божественная справедливость и смысл человеческого существования. Вот те темы, над которыми заставляют задуматься произведения Лермонтова.

Евгений Абрамович Баратынский не раз обращался к философским вопросам, которые встречаются в теодицеи, но задавал он их не напрямую, а в размышлениях о смерти и жизни, тяжести и ценности страданий, через которые проходит человек, и конечно о несправедливости бытия. Он пытался понять смысл и суть отношений между человеком и Божественной силой.

В «Сумерках» Е. А. Баратынский показывает пограничное состояние между жизнью и смертью через сумерки, когда мир погружается во тьму сеющую ясность и неопределенность, такую манящую на размышления о справедливости жизни и человеческих страданий. Человеческая жизнь полна загадок, вопросов и неопределенностей, которые порой сбивают с пути.

Сумерки и ночь для Баратынского это время дня, когда можно придаться думам и не редко, обозначают состояние души лирического героя.

«Элегия» обращена к теме человеческих страданий и жизненной несправедливости, которая встречается на каждом шагу. Страдания в мире. Который создал автор постоянны и неизменны, в отличии от счастья, которое непостоянно и неоднозначно, и Евгений не может найти разгадку почему же все происходит именно так, почему божественный замысел включает в себя муки терзания, которые длятся долгое время, а счастливые моменты скоротечны. Утерянная надежда- главное размышление автора, ведь со временем вера в изменение состояния уходит и сменяется на принятие. Счастье тяжело обрести и очень легко потерять, а жить в вечной надежде трудно. И все же никогда не нужно опускать руки и пускать все на самотек. Баратынский смог четко передать свои чувства и эмоции, которые придают его произведению глубину и философский смысл.

1.3 Космос в ранней поэзии Е. А. Баратынского

Первое мнение о Вселенной в древних культурах связано с позицией о том, что космосу отводится конкретная роль в жизнедеятельности индивидуума. Миф – это первая стадия эволюция представлений о космосе и создания мнений о космосе как явления [Абрамзон Т. Е., 2018: 2].

Вплоть до восемнадцатого века представления о космосе тесно переплетались с эзотерикой и оккультизмом, но, когда наступил техногенный период понятия о космосе, расширились.

В общемировом понятие о космосе Нового времени был теснее связан с появлением и эволюцией Вселенной и наукой.

Стиль Е. Баратынского отличается собственной изысканностью и гармонией. В поэзии Е. Баратынского видны богатая лексика, метафоры и символы, благодаря которым автор передает образы и собственные мысли. Его

поэзия обладает музыкальностью и ритмичностью, благодаря чему стихи стали приятными для чтения и слушания [Валикова О. А., 2015: 95].

Творчество Баратынского сыграло большую роль в российской поэзии. Его стихи стали вдохновением для большого числа поэтов и писателей, в том числе Александра Пушкина и Федора Тютчева. Он внес большой вклад в историю поэзии и стал одним из основателей российской лирики.

Стихи Баратынского были высоко оценены современниками и получили признание за свою глубину мысли и красоту изложения. Его философские и эстетические идеи прослеживаются в стихах и все еще актуальны в наше время. Евгений использует очень понятный и доступный язык, что делает его поэзию легкой для чтения, понимания и анализа.

Поэзия Баратынского отличается богатством речи и оборотов, а также различием привычных тем и мотивов со своим уникальным взглядом и мнением.

Одним из источников вдохновения для Евгения была природа. Она ассоциировалось у него с безграничной красотой и гармонией, умиротворение и чистое спокойствие. В стихах он описывает природу яркой и красочной, птицы, реки, цветы и леса побуждали автора описывать все чувства, которые он испытывал в гармонии с природой. Она стала для нег олицетворением идеального мира, который он ищет на протяжении всего творческого пути.

Еще одной темой, которую часто затрагивает Баратынский является любовь. Он показывает её многогранной, пытаясь описать все что может встретиться на любовных перепутьях. Тоска, страсть, влечение, разочарование, все это перекликается в его прозе. Показывая обе стороны, он не редко пишет о возлюбленной, которая показывает, что любовь — это не только радость, но и страдания для поэта.

Е. А. Баратынский часто философствует о смысле жизни и его поисках. Для описания он использует образы и символы, которые помогают ярче описать его философское видение. К искусству писатель относится как к

источнику гармонии и красоты, которые являются ключом к познанию мира и самовыражению.

Социальные темы, также не проходят мимо прозы Баратынского. Социальное неравенство и ложь порицаются в его произведениях и на место им встают собственные идеалы автора о свободе, справедливости и гармонии в социуме.

В произведениях Е.А. Баратынских охватывает большой пласт тем, каждую из которых он пропускает через себя. Придавшись думам о решении тех или иных проблем, он не редко находит некоторые выводы для себя и читателя. В его лирике изображены разные аспекты жизни и социального поведения.

Гармония, изысканность и элегантность прослеживаются в лирике Е. А. Баратынского делая её эстетически привлекательной для читателя.

Баратынский длительное время придерживался традиционных направлений лирики. Вместе с тем в ранний период, уже с 1820-х гг., он сделал уникальные открытия в творчестве. В собственном поиске как художника поэт открыл три нюанса: простоту, мысль («Все мысль да мысль...»), своеобразие («необщее выражение»). Декларация самобытности для Баратынского имела очень большое значение. Он специально старался освободиться от канонов собственного времени несмотря на то, что не мог полностью избавиться от них [Анохина Ю. Ю., 2018: 69].

Баратынский умело пользуется русским языком для передачи многосторонних и многослойных переживаний, включая в текст однородные слова в противительном либо усилительном значении:

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.
Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:

Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.
Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.
Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.
Верь, жалок я один.
Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.
Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной

[Баратынский Е. А., 2002; Т. 3: 520].

или в стихотворении «Разлука» мотив вселенского одиночества определяет масштаб возникающего безграничного пространства пустоты, который также передается на языковом уровне:

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье

Осталось мне от счастья моего

[Баратынский Е. А., 2002; Т. 3: 517].

И уже абсолютно вселенский масштаб обретает мысль о вечности в стихотворении «Финляндия». Его лирический герой сливается с миром, обретает новую реальность внутри самого себя:

Не вечный для времен, я вечен для себя:

Не одному ль воображенью

Гроза их что-то говорит?

Мгновенье мне принадлежит,

Как я принадлежу мгновенью!

[Все стихотворения Баратынского: [электронный ресурс].

В выше приведенных примерах слово приобретает подвижность, получает самые разнообразные смысловые и эмоциональные значения.

В противовес принципу реализации чувства в пластических, описательных стихах, Е. Баратынский показывает эволюцию внутреннего переживания чувств лирического героя.

В ранней лирике Евгений Абрамович рассуждал о космосе, как о философском и глубинном, не рассуждая о нем как о предмете научного исследования. Космос он показывал, как нечто величественное и таинственное, романтизируя. Многие произведения, в которых упоминался космос пронизан философскими размышлениями о величии и красоте такой далекой части вселенной. Он так же манил автора, как и пугал, но при том, размышление о чем-то настолько прекрасном наталкивали его на глубокие философские думы. Звезды стали его вдохновением и во многих лирических произведениях он упоминает их как что-то далеко-прекрасное, недоступное и чарующее. Ночь также часто описывается автором, как нечто спокойное и легкое, как время, когда нужно наслаждаться моментом.

Так, в стихотворении «Зима» Баратынский обращается к ночному небу и манящим звездам:

Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воет
И небо кроет
Седую мглой...

[Баратынский Е. А., 2002; Т. 3: с. 510].

Здесь небо предстает как бескрайнее и вечно-прекрасное, дополняющее зимний вечер, который перестает казаться таким мрачным и угнетающим. Прослеживается контраст между тяжелой реальностью и космической легкостью, окрыляющей и пьянящей.

Баратынский нередко использует космические образы для выражения своих чувств и эмоций, а также углубляется в философию размышлений о цене и смысле жизни, о скоротечности времени и неизбежности смерти. Космос не фоновая картина, а важная составляющая лирики автора, придающая глубины и смысла его произведениям и думам. Также позволяет читателю лучше погрузиться во внутренний мир лирического героя, ведь Баратынский, как и многие писатели использовал небо и погоду как отражение чувств и эмоций, переживаний и тягот души.

Иногда Е. А. Баратынский вместо звезд использует луну для выражения своих философских суждений. Ведь она прекрасна и многогранна, как и душа человека. Нередко, Евгений Абрамович использует луну или месяц как метафору для лучшей передачи чувств и эмоций лирического героя.

Ранняя поэзия Евгения Баратынского богата космическими мотивами и образами, которые способствуют лучшей передаче эмоций и философских

идей. Космос для поэта предстает бесконечным источником вдохновения и отражением, бесконечного пути, величия мощи природы и безусловным поводом для придания думам о смысле жизни, вечности и душе человеческой. Луна, месяц, звезды, эти образы помогают лучше передать все чувства и эмоции, придавая произведениям эмоционально-глубокий окрас.

Выводы по первой главе

В творчестве поэтов XIX века, не редко прослеживалось влияние теодицеи и космоса, которое сказалось на восприятии читателями темы мира и Бога, а также наталкивало на мысли о Божественной силе и мыслях о справедливости, добре и зле. Е. А. Баратынский также не прошел мимо этих философских размышлений, углубляясь в думы о скоротечности времени, правосудии и несправедливости жизни. Он ни раз обращался к «луне», «звездам» и «небу» рассуждая о вечности и бытие.

Исторические события также оставили не малый отпечаток на стиле и форме поэзии, ведь многие поэты отrekliсь от привычных форм написания произведений прибегая к новым, более экспериментальным. Сменили фокус на народный фольклор, политические, социальные и культурные изменения, уделяя больше внимания острым темам, которые безусловно были актуальными. Писатели не игнорировали остро-стоящие проблемы общества рассуждая и философствуя на самые различные темы. Не редко передавая свои эмоции через, небо, погоду, звезды и луну, которые менялись вместе с посылом произведения. Рассматривая раннюю лирику Е. А. Баратынского можно отметить, то, что он ни раз обращался к космическим мотивам и придавал им особое значение в своей литературе, вместе с рассуждениями о вопросах о Боге и учениях теодицеи.

Безусловно нельзя не отметить то, какое влияние оказывали на людей произведения Е. А. Баратынского, которые наталкивали на мысли о космосе и небе, Боге и справедливости, добре и зле. Он внес непомерный вклад в

литературу XIX века. Поэт стал идейным вдохновителем для своих современников, показывал возможности различного написания произведений и темы, которые могли остро повлиять на восприятие мира читателем. Поэзия XIX века стала отражением духа времени и важным источником информации о тех событиях и идеях, которые определяли эту эпоху.

Глава II. Теодицея Е. А. Баратынского. Космос и космические мотивы

2.1. Космические и космологические мотивы в лирике

Е. А. Баратынского

Е. А. Баратынский, безусловно был одним из самых талантливых литераторов Золотого века в России. Его произведения оказывали сильное влияние на российскую поэзию. Он внес большой вклад в российскую романтическую литературу. Евгений Абрамович придавал своим стихам глубину эмоций, которые были прописаны философией и думами о различных ситуациях, которые так или иначе влияли на писателя. Стиль, придуманный Баратынским, был легок на чтение, но наполнен эмоциями, сочетая в себе эстетическую красоту и философию. Подобные произведения вдохновляли авторов последующих лет, ведь содержали в себе изысканный и элегантный стиль, совмещенные с серьезными размышлениями и рассуждениями о будущем людей и жизни. Своими размышлениями он давал ответы на многие вопросы, которые оставляли без ответов другие лирики и читатели. Баратынский один из первых в российской поэзии начал отвечать, на то, что ранее оставалось без комментариев.

Лирика Е. А. Баратынского играет важную роль в литературе XIX века, ведь она оказывала большое влияние на читателей и темы, о которых они начинали думать, к примеру космос и небо. В произведениях автора можно увидеть космические и космогонические мотивы, которые можно рассматривать по-разному, как символику или философию, не редко и как просто художественные образы.

Часто Баратынский использует темы космоса и бесконечности как способ выражения переживаний и чувств лирического героя, придавая эмоциональности прозе и делая её глубже и интереснее. Символами вечности Евгений Абрамович считает солнце, небо, как закатное и ночное, так и

рассветное и дневное, луну и звезды, которые часто выступают проводниками между чувствами, мыслями автора.

Стихотворение «Звезда» было написано Евгением Баратынским в 1936 году. Основная мысль в нем – это люди и звезды, и среди них - единственная и самая лучшая, которая у каждого своя.

«Недоносок» включён поэтом в книгу «Сумерки» (1842), хотя написан на семь лет раньше её выхода. Принято считать его одним из первых стихотворений, открывающих последний, проникнутый философским пессимизмом период творчества Баратынского. Младший современник автора М. Н. Лонгинов вспоминал: книга «Сумерки» «произвела впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц, не умеющих дать себе отчета в том, какая это тень и чего она хочет от потомков». Этот цикл Баратынского считается первой «книгой стихотворений» в русской литературе, особым сверхъединством, жанровым целым, которого ранее не знала отечественная словесность.

Само название цикла многозначно: здесь и «сумерки», сопровождающие закат жизни отдельного человека, поэта, сумерки рода людского, сумерки поэзии в духе немецких романтиков (позднее метафору «сумрачный германский гений» обнаруживаем у Александра Блока в «Скифах»; а еще позже мы встречаем мысль о «поэтах сумеречной эпохи», осмеливающихся погружаться в бездну, чтобы явить след сбежавших богов, в «Истоке художественного творения» у Мартина Хайдеггера).

Интересно, что даже в эпиграмме «Увы! Творец не первых сил!..», следующей в сборнике, Баратынский касается, правда, вскользь, в анекдотическом преломлении, вопроса об уме, претендующем на суверенное правление миром [Михайлов В. Ф., 2015: 486]. Человек, заступающий на место Творца, очень похож на безумного рыбака на престоле:

Неаполь возмутил рыбака,
И, власть прияв, как мудрый царь,
Двенадцать дней он градом правил;

Но что же? - непривычный ум,
Устав от венценосных дум,
Его в тринадцатый оставил...

[Баратынский Е. А., 1971; Т. 2: 350].

Здесь возникает тема слабости, неполноты, которая тут же будет грандиозно развёрнута в стихотворении «Недоносок».

«Последняя строка этого стихотворения поразительна: «О бессмысленная вечность!» Вот они – смысловые смещения Баратынского, формирующие его «метафизический словарь». Говорится это так, будто поэт сам пережил бессмысленность вечности» [Успенский П. Ф., 2016: 56].

Что же ему даёт право на такие заявления? Кто такой недоносок?

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землёй и небесами

[Баратынский Е. А., 1971: 352].

Оказывается, всего лишь «крылатый вздох». Что же это за существо, которое не может полностью быть в этом мире, погрузившись в его материальность, вещьность, а с другой стороны - не в состоянии стать чистым духом, уйти за облака? «Бедный дух! Ничтожный дух!» – это человек, с естественными земными потребностями, не способный жить только ими. Перед нами предстает творец, застрявший между землёй и небом, между свыше дарованной способностью видеть больше, чем другие, и необходимостью следовать своей слабой человеческой природе. Именно здесь трагедия – в

самой возможности видеть и понимать страдание «земных поселенцев». О, если бы можно было не видеть, не понимать

Так Баратынский откликается на романтическую проблематику поэта и толпы. Его герой - не жрец, не пророк, вознесённый над миром, но недоносок. Он не противопоставлен остальному человечеству, он лишь воплощает в себе в наиболее острой форме каждому свойственное противоречие. Даже эта выдавленность скорее горька и обидна. Ведь она не придаёт ему силы, а лишь обрекает на большее страдание. И впрямь, куда уж ему до пророков, когда, во-первых, всё равно никто его не слышит, а во-вторых, и мир-то он видит «как во мгле», то есть не очень разбирается в обыденной, повседневной жизни [Жилина Н. П., 2016: 43].

Последние строки – «В тягость роскошь мне твоя, // О бессмысленная вечность!» – как упрёк, как сожаление, как отказ, обращённый к миру, к Богу: зачем меня соблазняют еле слышимым звуком небесных арф, лучше было бы отказаться от этого «слышанья», полностью вернуться в «низкий» земной мир! Баратынский словно бы знает, что наступает время, когда духовность станет так тяжела и непереносима для человека, что он сам пожелает от неё отречься.

Здесь самая больная тема нашего времени. Ведь если постараться определить, одним словом, содержание жизни большинства современных людей, получится следующее: «Не думать!». Это не просто их глупость, леность и заблуждение. Мир утратил целостность, и теперь творчество, поиск добра, красоты, любой моральный поступок - всё становится следствием единичных мучительных усилий, часто бессмысленных или просто несообразных с возможностями индивида. Следовательно, сама человеческая природа для человека непереносима. Высшее творение выглядит просто ошибкой Создателя, злой насмешкой, потому что, нуждаясь в горнем мире, мире фантазии и мечты, недоносок погружён в юдоль мира земного, живущего по совершенно иным законам.

Существование человека и всего человечества окрашено в книге Баратынского глубоким трагизмом, связанным с самой природой homo

sapiens. После того как «сновидения» «золотого века» процветания, равновесия духа и тела, гармонии миновали, сообществу людей остаётся достойное и мужественное принятие своей гибели в железном (« шествует путём своим железным...»). Отдельно взятая человеческая жизнь повторяет общий удел рода и всей мировой истории – встретить решительную минуту смерти с открытым забралом. Духовная тоска, являющаяся на фоне неотвратимости этого, по Баратынскому, – это узнаваемая черта «дряхлеющего мира» и истощенного цивилизацией индивидуума. Отсюда и трагические, химерные образы отдельных стихотворений, в том числе и «недоноска» [Мартыненко А., 2016: 107].

В центре стихотворения «Недоносок» образ некоего существа, лишённого телесности («из племени духов»), это «не человек в маске, в роли духа, но, действительно, особое существо, чье бытие определено сочетанием парадоксальных качеств – слабости и бессмертия» (И. Альми). Его онтологическая конституция своеобразна, подобна человеческой, но не равна ей. Образ недоноска восходит к французской поэтической традиции. У поэта XVII века Шарля Эно, чье творчество было хорошо известно свободно говорящему на французском Баратынскому, есть «Сонет о выкидыше» («Sonnet sur l'avorton», 1682; «l'avorton» напоминает русское слово «аборт»). Иногда это стихотворение переводят как «Сонет о мертворождённом»:

Ты, умерший, прежде чем родиться,
Смутное смешение бытия и небытия,
Жалкий выкидыш, не воплотившееся дитя,
Отвергнутое небытием и бытием...
(подстрочник Б. Томашевского)

[Цит. по: Рудакова С. В., 2013].

Умерших некрещёных младенцев Данте помещает в Лимб, в первый круг ада, но «недоноску» Баратынского нет места и здесь – ему, вообще, нет места (сравни «пойти некуда» у Достоевского). Он мечется между небом и

землей, будучи неспособным ни достигнуть Эмпирея, т. е. обители ангелов и Бога, ни воплотиться в земной жизни. Он только «крылатый вздох», слабое, немощное мгновенное явление, «Бедный дух! Ничтожный дух!», «Роковая скоротечность!» Недоносок – гротескный образ, в котором поэт в гипертрофированном виде воплотил и человеческое положение в мироздании [Фукс-Шаманская П. Л., 2018: 49].

Промежуточность состояния недоноска можно соотнести с человеческой промежуточностью и неполнотой, фатальным трагизмом вечно прорывающегося к небесному, к заветному раю, но не достигающего его человека. Это прозрачная гиперболизированная метафора «невыносимой лёгкости» (М. Кундера) и безысходности человеческого бытия. «Небесные арфы» своей музыкой неудержимо влекут недоноска, но он не в силах провидеть пути навстречу этой музыке. В одном из черновых вариантов стихотворения есть такая строфа:

Весел я небес красой,
Но слепец я. В разуменье
Мне завистливой судьбой
Не дано их провиденье.
Духи высшие, не я,
Постигают тайны мира,
Мне лишь чувство бытия
Средь пустых полей эфира

[Все стихотворения Баратынского: [электронный ресурс].

Оказываясь после всех метаний в небесных высях на земле, недоносок является мертворождённым и «отбывает без бытия» в ту же вечность, из которой он явился, ничего не поняв и не обретя. Эта вечность видится бессмысленной. Но кто трагически переживает эту бессмыслицу? Нельзя не заметить появление в стихотворении второго субъекта, лирического «я» финала стихотворения, того, кто «на земле оживил» недоноска, т.е. вообразил

его мятущееся состояние и воплотил его в стихотворении. Именно этому второму сознанию и принадлежит эмоциональная оценка и тяжесть переживания бессмысленности бытия, несогласие с ней, тревога неуёмного вопрошания. «Недоносок-сын как чисто земное существо вовсе лишен бытия и тут же умер, а Недоносок-отец, оставшийся в одиночестве, еще острее почувствовал тягость «бессмысленной вечности» (С. Скибин). Поэт колеблется между согласием с миропорядком и его неприятием. Неслучайно он говорил о «диком аде», в который порой проваливается его душа, но сомнения и духовный упадок не отменяет его жажды гармонии.

Автор, описывая небесные тела, легко и непринужденно сравнивает их с людьми. Он рассказывает о красоте звезды, которая милее всех для него и на небе, и на земле. Красота ассоциируется у него с возлюбленной. Благодаря всем этим мыслям стихотворение стало легким.

Это произведение состоит из восьми строф. В первых пяти поэт описывает свою звезду на небе, в шестой задаёт вопрос читателю: избрал ли он свою звезду, а в последних двух он даёт совет по выбору той самой звезды.

Основная мысль автора раскрывается с помощью одной большой метафоры – скрытого сравнения звёзд и людей.

Также используются и другие средства выразительности. Например: эпитеты (в безмолвии ночном, в синей вышине, в лазоревую ночь), риторический вопрос (себе звезду избрал ли ты?), олицетворение (она на небе чуть видна, но с думою глядит). Автор использует литературную лексику с несколькими архаизмами, а также анафору (Взгляни на звёзды).

Размер этого стихотворения – четырехстопный ямб, рифма - перекрестная, но сочетаются только две строки (одна пара) [Валуев А.М., 2016: 6]

Политическая ситуация тех лет не могла не отразиться в стихах Евгения Баратынского. Он не был декабристом, но его захватили их идеи, которые отразились в элегии «Буря» (1825), в эпиграмме на Аракчеева, а позднее в «Стансах» (1828):

БУРЯ

Завыла буря; хлябь морская
Клокочет и ревет, и черные валы
Идут, до неба восставая,
Бьют, гневно пеняся, в прибрежные скалы.
Чья неприязненная сила,
Чья своевольная рука
Сгустила в тучи облака
И на краю небес ненастье зародила?
Кто, возмудив природы чин,
Горами влажными на землю гонит море?
Не тот ли злобный дух, геенны властелин,
Что по вселенной разлил горе...?
[Все стихотворения Баратынского: [Электронный ресурс].

Для осмысления противоречивых религиозных представлений поэта важно поистине гениальное стихотворение онтологического характера «Недоносок» (1835г.), где Герой будто бы действительно находится «над пропастью – над небесами», но не может улететь:

И, едва до облаков Возлетев, паду, слабея.
Как мне быть
Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношусь, крылатый вздох,
Меж землей и небесами [Там же].

Вера «бедного духа» бессильна. Он «изнывает тоской», мечется, нигде не может найти успокоение и упование, так как ни на земле, ни в «небесных полях» не может обрести Благость, хоть и отчаянно стремится к ней:

Обращусь ли к небесам,
Оглянусь ли на землю –
Грозно, черно тут и там;

[Все стихотворения Баратынского: [электронный ресурс].

Вопль унылый я подъямлю. Ощущение давящей тьмы и мглы безверия в расколоте миропорядке, невозможность услышать «арф небесных отголосок», являют только один исход: бессилье жизни без веры и «бессмысленную вечность».

Здесь мы видим значимую мысль о том, что для Поэта, который в начале своего творчества стремился к аналитизму всего, теперь говорит о значимости чувства ощущения истинной веры, пусть даже часто бессознательном, естественном и едва уловимом явлении. Здесь мы замечаем, что «Неверие» начинает постепенно озаряться лучами подлинной «Веры». Я к солнцу, к солнцу руки простираю и вижу полог бледных облаков... Мне кажется, что истину я знаю – И только для нее не знаю слов. (З. Н. Гиппиус, «Бессилье») Размышляя о наличии в поэзии Баратынского христианских образов и мотивов, было бы небезынтересно упомянуть о двух литературных тенденциях в лирике: религиозном экфрасисе и молитве. В поэзии Баратынского наличествует религиозный экфрасис. Описание описания привносит сакрализацию художественности, целостность восприятия. В русской литературе особенно распространен живописный Богородичный экфрасис, часто возникающий в произведениях В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, А. А. Фета, Ап. Майкова, Вяч. Иванова, А. А. Блока, Н. С. Гумилёва и др.

Автор «Иконостаса» П. А. Флоренский отмечал, что «иконопись для глаза есть то же, что слово для слуха». Чем ближе икона, к слову, тем сильнее в нем сакральное начало, семиотические процессы, происходящие на границе слова и изображения совершаются в нечувственной сфере, сфере воображения, потому необыкновенно сильны [Голубева О. В., 2014: 218].

Человек у Е. Баратынского оказывается «недоноском», т.е. мертворожденным, не воплотившимся, мечущимся, подобно «крылатому вздоху» между землей и небесами и «отбывающим без бытия» из этого мира.

Не редкой в поэзии Е. А. Баратынского становится тема смерти, которой пронизана, как ранняя, так и более поздняя лирика автора. Его не страшит смерть, но размышления о ней интересуют его и в попытках понять значение и смысл гибели, поэт приходит к самым разным умозаключениям.

Так, в произведении «Череп» Е. А. Баратынский углубляется в размышления о жизни и смерти, которые приводят его к мыслям о том, что жизнь – лишь миг, она не велика и бесконечна. Скоротечность жизни, не расстраивает автора, он пытается показать, что нужно уметь радоваться каждым моментам в жизни и не бояться действовать и вносить вклад в мировую историю. Сам «череп» становится метафорой, символизирующей пустоту и заставляющей задуматься о смысле бытия и существования человека в этом огромном мире, а также, служит напоминанием о том, что после смерти, все что от нас останется это лишь прах и нужно действовать. Автор относится с пониманием к смерти и принимает факт её наличия, не страшась и вводя в ужас. Череп – «пустой чердак» где холодно и темно, безжизненный атрибут человеческой кончины, описываемый угасшую жизнь. Наблюдая за черепом Е. А. Баратынский углубляется в размышления о прошлом и будущем, все также напоминая о необходимости оставить что-то «после себя». Также к метафорам относятся «погасшие звезды», для описания угасшей жизни, ушедшей в небытие и забвение, о душе покинутой телом и вынужденной скитаться. Стихотворение «Череп» – своеобразный памятник бытию, который отражал философские взгляды Е. А. Баратынского, на которые сильно влияли исторические обстоятельства его эпохи.

«Смерть» – философское стихотворение Е. А. Баратынского, в котором поэт также обращается к теме жизни и смерти и, что же остается после человека и о судьбе при жизни. Смерть в его произведении – не просто конец жизненного пути, но еще и переход в иное, более глубокое состояние. В

попытках разгадать тайну смерти, поэт задумывается и о том, может ли быть бессмертна душа человека. Могила – своеобразная метафора покоя, в котором нет места страданию и печали, а лишь спокойствию и смирению. Смерть выступает как нечто живое, не лишенной разума и способное отвечать на вопросы, которые задает Е. А. Баратынский. «Что значит быть человеком?» вопрос прослеживаемый в произведении, на который автор пытается найти ответ предаваясь философским размышлениям. Поэма выступает как «памятник» бытию и жизни, ведь автор вновь показывает, что нужно жить полноценной жизнью и не упускать моменты.

2.2.Философская лирика Е. А. Баратынского

Баратынский Е.А. жил и творил в эпоху золотого века. Его творчество пришлось на период романтизма, но обладает собственными особенностями и имеет отличия от творчества иных романтиков.

Баратынский получил известность благодаря своим лирическими стихам, в которых он много писал о природе, любви, философии и метафизике. Он старался показать собственные эмоции и мысли с помощью прекрасных образов и глубоких мыслей.

К одной из главных тем в поэзии Баратынского можно отнести тему утраченной молодости и преходящей красоты. Он много пишет об образах весны, цветов, солнца для того, чтобы описать собственную ностальгию по ушедшему и осознание того, что все прекрасное всегда уходит.

Также к важнейшим темам в поэзии Баратынского можно отнести одиночество и отчуждение. Он пытается описать собственный внутренний мир, чувство разобщенности с миром и непонимания со стороны общества. Данная тема показывает его философское отношение к жизни и судьбу людей.

Стиль Баратынского отличается собственной изысканностью и гармонией. В поэзии Баратынского видны богатая лексика, метафоры и символы, благодаря которым автор передает образы и собственные мысли. Его

поэзия обладает музыкальностью и ритмичностью, благодаря чему стихи стали приятными для чтения и слушания [Валикова О. А, 2015: 96].

Творчество Баратынского сыграло большую роль в российской поэзии. Его стихи стали вдохновением для большого числа поэтов и писателей, в том числе Александра Пушкина и Федора Тютчева. Он внес большой вклад в историю поэзии и стал одним из основателей российской лирики.

Стихи Баратынского были высоко оценены современниками и получили признание за свою глубину мысли и красоту изложения. Его философские и эстетические идеи прослеживаются в стихах и все еще актуальны в наше время. Евгений использует очень понятный и доступный язык, что делает его поэзию легкой для чтения, понимания и анализа.

Поэзия Баратынского отличается богатством речи и оборотов, а также различием привычных тем и мотивов со своим уникальным взглядом и мнением.

Одним из источников вдохновения для Евгения была природа. Она ассоциировалось у него с безграничной красотой и гармонией, умиротворение и чистое спокойствие. В стихах он описывает природу яркой и красочной, птицы, реки, цветы и леса побуждали автора описывать все чувства, которые он испытывал в гармонии с природой. Она стала для нег олицетворением идеального мира, который он ищет на протяжении всего творческого пути.

Еще одной темой, которую часто затрагивает Баратынский является любовь. Он показывает её многогранной, пытаясь описать все что может встретиться на любовных перепутьях. Тоска, страсть, влечение, разочарование, все это перекликается в его прозе. Показывая обе стороны, он не редко пишет о возлюбленной, которая показывает, что любовь – это не только радость, но и страдания для поэта.

Евгений Абрамович часто философствует о смысле жизни и его поисках. Для описания он использует образы и символы, которые помогают ярче описать его философское видение. К искусству Евгений относится как к

источнику гармонии и красоты, которые являются ключом к познанию мира и самовыражению.

Социальные темы, также не проходят мимо прозы Е. А. Баратынского. Социальное неравенство и ложь порицаются в его произведениях и на место им встают собственные идеалы автора о свободе, справедливости и гармонии в социуме.

В произведениях Е. А. Баратынских охватывает большой пласт тем, каждую из которых он пропускает через себя. Придавшись думам о решении тех или иных проблем, он не редко находит некоторые выводы для себя и читателя. В его лирике изображены разные аспекты жизни и социального поведения.

Гармония, изысканность и элегантность прослеживаются в лирике Баратынского делая её эстетически привлекательной для читателя.

Е. А. Баратынский безусловно можно считать одним из самых ярких представителей XIX века. Главным в его произведениях является лирическое начало, выражающееся в субъективных эмоциях и переживаниях лирического героя. Он не редко описывает собственные чувства и эмоции, мысли и впечатления, что придает лирике эмоциональный окрас и большее погружение, смешанное с сопереживанием.

Правильное применение ярких образов и умение владеть языком выделяет Е. А. Баратынского среди других авторов. Описание природы в его произведениях служит главной изюминкой. Оно помогает передать душевное состояние и эмоции автора, которые чаще всего выражаются в метафорах и аллегориях, для выражения мыслей.

Ритм и звук заслуживают отдельного внимания. Е. А. Баратынского был мастером игр с ритмом и создания гармонии звуков, придающих музыкальности стихам.

В лирике Баратынского прослеживается философская глубина и мысли о смысле бытия, которые так терзали автора. Его излюбленные вопросы касаются судьбы, времени и его скоротечности, любви и смерти. Его

рассуждения способствуют тому, что читатель и сам начинает размышлять над вопросами, которые раньше не казались такими трудными для ответа.

Сейчас творчество Баратынского высоко ценится и остается актуальным. Его произведения затрагивают душу и восхищают своей красотой и глубиной.

А. С. Пушкин писал о том, что он стыдится публиковать собственные элегии, ведь считает «Признание» совершенным и невероятно глубоким. Бродский же говорил о том, что «Запустение» Баратынского можно считать самым великим стихом из всех российских произведений.

С самого начала собственной творческой работы Евгений Абрамович Баратынский показал, как достойный ученик Н. М. Карамзина, особенностью стиля которых была ясное и точное изложение текста.

Как и большая часть соратников А. Пушкина, Е. Баратынский был воспитан на французском классическом и романтическом творчестве и принял их через систему стиля и жанра Батюшкова. Жанровый список произведений Баратынского на раннем этапе состоял из достаточно известных поэтических форм – элегии, дружеского послания, надписей, мадригалов, эпиграмм и иных небольших стихов. Поэт сильно влиял на российскую прозу и её дальнейшую эволюцию, и его стихи много раз использовались как эпитафии в произведениях других авторов. Его уникальный взгляд на эстетику красоты и философию, повлияли на становление литературы выразительнее и глубже. После всех этих рассуждений можно однозначно сделать вывод о том, какое влияние оказывали события и люди, которые говорили о происходящем открыто, но литературу и общество. Е. А. Баратынский стал одним из тех чьи думы произвели наибольшее впечатление на аудиторию.

Е. А. Баратынский и его творчество, получили признание как при жизни автора, так и после, оставляя глубокий отпечаток в душе у поэтов и читателей. Критики ни раз отмечали, что его поэзия пронизана глубиной мысли, совмещенной с эстетической красотой и изысканным стилем.

В своих произведениях автор обращался к извечным темам, таким как любовь и смерть, судьба и природа. Раскрывал темы он в выражении своих мыслей и чувств, не жалея раскрывать все богатство русского языка, в своей манере используя изысканные и точные стихотворные формы.

Е. А. Баратынский считался и был признан одним и выдающихся русских поэтов своего времени. Его ценили как литературного авторитета и уважали, за его вклад в русскую литературу.

Поэзия Е. А. Баратынского также получала признание уже после кончины поэта. Так и сегодня творчество великого автора восхищает своей глубиной мысли, приятным и понятным слогом, а идеи об излюбленных темах человечества остаются актуальными и по сей день.

В стихотворении «Чудный град порой сольётся...» стремление сохранить всю ценность момента все еще остается актуальным и в наши дни. Сейчас, за своими делами и множеством новых технологий, в которых будто теряем себя, мы перестаем наслаждаться окружающим нас миром и всей красотой момента. В погоне за чем-то эфемерным начинаем игнорировать красоты мира и упускаем самое прекрасное.

В стремлении к постижению такой далекой красоты и гармонии, которыми пронизано стихотворение, можно рассмотреть, как призыв к тому, на что нужно обратить внимание. Нам следует чаще останавливаться, делая перерыв и просто наслаждаться моментом и не важно о природе ли идет речь или просто о моментах с близкими и дорогими нам людьми, или, быть может, речь об искусстве, которого так много вокруг.

Время скоротечно и это именно то, о чем говорит нам стихотворение, а также о ценности мига. Ведь сейчас, когда в современном мире ритм жизни невероятно быстрый об этом важно помнить. Нам стоит научиться брать от жизни больше и смотреть по сторонам наслаждаясь радостями жизни.

Таким образом важность наслаждения моментом и ценность каждого мига, а это именно те мысли, которые мы видим в стихотворении «чудный град порой сольётся...» все еще актуальны и в наше такое беспокойно-быстрое

время. Умение видеть прекрасное в окружающем мире безусловно может привести к осознанной жизни, наполненной счастьем и благодарностью.

Баратынский длительное время придерживался традиционных направлений лирики. Вместе с тем в ранний период, уже с 1820-х годов, он сделал уникальные открытия в творчестве. В собственном поиске как художника Баратынский открыл три нюанса: простоту, мысль («Все мысль да мысль...»), своеобразие («необщее выражение»). Декларация самобытности для Баратынского имела очень большое значение. Он специально старался освободиться от канонов собственного времени несмотря на то, что не мог полностью избавиться от них. Баратынский меняет их настолько смело, что его поэзия даже для читателей XXI века [Анохина Ю. Ю., 2018, 52].

Центром в ранних произведениях Баратынского является элегия. Именно в данном жанре впервые проявились индивидуальность его поэтических особенностей. От Парни и иных элегиков Франции конца XVIII века – первой половины XIX века. Баратынский перенял новый и прогрессивный для начала XIX века принцип индивидуального переосмысления элегического жанра: выразить прожитого самим творцом, в качестве его поэтической исповеди.

Стилистические достижения К. Н. Батюшкова были основой, так как элегии К. Н. Батюшкова всегда обладали биографическим подтекстом, показывали конкретные факты из жизни и духовности человека, однако Баратынский с самого начала своего творчества начал трактовать элегические темы с позиции психологии.

Свое внимание он направил не на общее лирическое описание той либо иной элегической эмоции – уныния, печали, радости, любви, разочарованности, – а на изменчивые и противоречивые оттенки, которые характерны для эмоции в конкретных психологических проявлениях. Лирика приобрела в ранних произведениях Баратынского внутреннее движение и психологическое раскрытие [Мурановские чтения, 2015: 172].

Самая большая часть грустных и любовных элегий Е. Баратынского относятся к мастерски созданным «психологическим миниатюрам», охватывающим и выражающим очень тонкие оттенки эмоций уже не элегических чувств не в общем, а в очень даже определенные человеческие переживания в конкретных жизненных ситуациях.

Грамотный анализ психологических особенностей чувства, его движения и изменчивости и является главенствующим в звучании стихов раннего периода Е. Баратынского, в его элегической теме. Самыми яркими в данном случае являются «Признание» и «Оправдание». Данные стихи - наиболее зрелые из произведений раннего периода Баратынского. В «Оправдании» вопрос неверности раскрывается в типичном плане эмоционального нагнетания и в итоге читатель видит новую и неожиданную развязку, который полностью снимает виновность героя.

Лирическим вопросом «Признания» является не обычная элегическая «разочарованность» сама как таковая, а детальная оценка процесса медленного угасания чувств и противоречивого душевного состояния уставшего индивидуума.

Очень сильно углубив и обогатив психологическое изложение элегических тем и мотивов, Баратынский смог по многим параметрам перешагнуть через условное использование слов. Он часто пользуется в собственных стихах обязательный эпитет, но вместе с данным эпитетом в его стихах возникают и совсем другие словосочетания, имеющие совсем новое, причем определенное значение, возникающее из общего значения произведения.

«Признание» – это одно из самых ярких тому подтверждений. В данном стихе эпитеты с самым большим выражением показывают эволюцию лирической темы от «прекрасного огня любви первоначальной» к «безжизненным воспоминаньям» о данной любви.

Ту же роль выполняло (кстати, это вообще характерно для раннего этапа работы Баратынского) сопоставление однородных слов в противительном либо усилительном значении:

Любимым не был я,
Ты, может быть, была любима мною

ИЛИ:

Душа любить желает,
Но я любить не буду вновь

ИЛИ:

Грущу я, но и грусть минует [Баратынский Е. А., 1971: 365].

И далее:

Уж я не верю увереньям [Там же: 370]

ИЛИ:

Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье
[Все стихотворения Баратынского: [электронный ресурс];

ИЛИ:

Не вечный для времен, я вечен для себя

[Там же];

Мгновенье мне принадлежит,
как я принадлежу мгновенью

[Там же].

В выше приведенных примерах слово приобретает подвижность, получает самые разнообразные смысловые и эмоциональные значения.

В противовес принципу реализации чувства в пластических, описательных стихах, Баратынский показывает психологию и эволюцию внутреннего содержания чувств.

Длительная жизнь в Финляндии, в условиях суровой и дикой природы, с одной стороны сделало сильнее романтичность стихов Е. А. Баратынского, а с другой – сделало их сосредоточенно-элегическими, именно такое настроение у большинства его стихов. Ощущения от финляндской жизни нашли свое очень яркое значение в первой поэме Баратынского «Эда».

Оцененный в большей степени исследователями и поэтами, Баратынский остается автором непрочитанным - может быть, из-за необычности своего художественного языка, который сохраняет тесную связь с классической риторической и поэтической традицией и рассчитан на ее узнавание или комментирование. Тогда за этим риторическим каркасом еще четче проступает то редкое сочетание тонкого чувства и нетривиальной аналитической мысли, изящного ума и философской глубины, которые всегда ценили в Е. А. Баратынском его проницательные читатели.

На примере пяти стихотворений, написанных в разное время, мы попробуем показать, как устроен его поэтический язык и какие эмоциональные и философские смыслы за ним стоят.

«Разуверение» (1821), наверное, самое известное и самое памятное стихотворение Е. А. Баратынского. Еще при жизни поэта оно разошлось по антологиям и хрестоматиям, в 1829 году Пушкин подписал свой автопортрет пародийной цитатой «Не искушай меня без нужды». Не меньшей популярностью пользовался и романс на эти стихи: в частности, его исполняет героиня драмы Островского «Бесприданница».

Этот «хрестоматийный глянец» не должен заслонять в «Разуверении» замечательные поэтические и эмоциональные находки, говорящие о значительных достижениях очень молодого Баратынского. Из-за традиционных элегических штампов и словесных поэтизмов («изменившие сновиденья», «слепая тоска», «прежнее» и «прежние дни») проступают

нетривиальный и тонко схваченный рисунок душевной жизни и сложная история отношений героя и героини, целый роман: радость раннего взаимного чувства, вера в любовь и надежда на счастье, охлаждение или измена возлюбленной, тоска и разуверение героя, новая надежда на счастье, которую может сулить возвращение нежности возлюбленной, и, наконец, отказ от искушения или, может быть, нового разочарования.

Но вместо поэтических надежд герой обретает остроту самонаблюдения: «одно волнение, а не любовь» — так определяет он свои чувства, выходя за границы условного жанра элегии и делая шаг в сторону современного человека [Омарова Е. А., 2017: 20].

«Признание» (1823; 1832–1833) – совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий», – с досадой Пушкин Александру Бестужеву, прочитав в «Полярной звезде» за 1824 год новую элегию Баратынского.

В «Признании» Баратынский делал еще более уверенный по сравнению с «Разуверением» – шаг от поэтической условности к психологической рефлексии, как в дневнике или романе. Эффект особой достоверности придавал стихотворению настоящий антипоэтизм упоминание о браке без любви, на который лирический герой решается сознательно

На фоне мелодраматических ожиданий жанра сильным ходом выглядит признание в равнодушии, неспособности к чувству и принятие этого как неизбежного, даже естественного (хотя за двадцать лет до того «русские шиллеристы», например Андрей Тургенев, не могли ни смириться с этим равнодушием, ни найти язык для его внутренне убедительного описания).

Без «Признания» были бы невозможны позднейшие парадоксальные пушкинские стихи о любви — «Под небом голубым страны своей родной...», в котором запечатлено очень похожее впечатление от того, что былое страстное чувство обернулось равнодушием, и «На холмах Грузии...», в котором, наоборот, декларируется сила любовного чувства самого по себе

«Череп» (1824–1826) – это, по убеждению А. Добрицына, выход за рамки привычных жанров начала 1820-х годов осуществлялся не только через

психологическую рефлексию и преодоление литературных матриц, но и за счет «углубления» мысли, нового выхода к философии [Добрицын А. А., 2014:19].

В качестве места действия Баратынский выбирает кладбище — пространство, опозитивированное пред романтической и романтической литературой. Узнаваем и сюжет, речь или размышление героя при созерцании кладбища/могилы/черепа, диалог живого с мертвым. Современный Баратынскому читатель мог здесь вспомнить и шекспировского Гамлета, разговаривающего с черепом бедного Йорика, и жанровую традицию кладбищенской элегии Юнга – Грея – Жуковского, и недавнюю литературную новинку – «Надпись на чаше из черепа» лорда Байрона.

Но ход поэтической мысли Баратынского необычен: он не думает о судьбе покойного, как Гамлет, не предаётся мыслям о неизбежности смерти, не пытается выпросить «тайн гроба» – напротив, он отказывается от этого потустороннего, запредельного знания и провозглашает ценность жизни, с ее страстями и мечтами:

«Запустение» (1832–1833). Это стихотворение Баратынского Иосиф Бродский называл «лучшим стихотворением русской поэзии». Здесь, как в «Признании» и «Черепе», мы видим работу с «памятью жанра» и устойчивыми образами. В «Запустении» Баратынский обращается к традиционному элегическому сюжету – возвращение в родные места после долгой разлуки. Однако героя окружает не поэтическая весна, «дни веселые живительного мая», а неприветливая, мрачная осень и увяданье; он ищет «прошлых лет воспоминанья», но вынужден констатировать: «Ни в чем знакомого мой взор не обретал!»

Постепенно живущие в душе героя воспоминания заглушают непосредственные впечатления, и тогда из этого «запустения» проступает поначалу невидимый «заглохший Элизей», счастливое место в Аиде, древнегреческом царстве мертвых. Таким образом, поэт обретает то, чего искал, и даже более того. Сила воспоминания позволяет ему почувствовать незримое присутствие

создателя этого усадебного парка, «художника опытного», чей «доступный дух» живет не только в ландшафте, но и в душе героя [Петухова Ю. Ф., 2018: 28].

Речь идет о рано умершем отце Баратынского – Абраме Андреевиче, скоропостижно скончавшемся, когда будущему поэту было только десять лет. В финале этот автобиографический мотив подсвечивается мощными культурными ассоциациями. Загробная встреча с отцом в Элизии напоминает и о вергилиевской «Энеиде», в которой Эней также встречается со своим отцом, и о «Гамлете», где герой встречает тень отца.

Образ полуантичного-полухристианского литературного Элизея имеет особое значение в поэтическом мире Баратынского. Это место, где, говоря словами Ходасевича, «Вкушают вечности заслуженный покой Поэтов и зверей возлюбленные тени», которое дает надежду на встречу с теми, кто был особенно дорог в земном мире. И именно о таких встречах «за могильным рубежом» мечтает Баратынский – о встрече с отцом (как в «Запустении»), с бесконечно любимой женой (как в стихотворении «Своенравное прозвание...»), с по-настоящему близким другом-поэтом Антоном Дельвигом (как в «Моем Элизии» — лирическом некрологе безвременно умершему Дельвигу).

Одно из последних стихотворений Баратынского «Пироскаф» (1844), написанное, по свидетельству самого поэта, во время морского плавания на пароходе-пироскафе из Марселя в Неаполь в конце апреля – начале мая 1844 года.

Главный парадокс стихотворения, напряжение, создающееся между содержанием текста и историей его создания, состоит в том, что оно само по себе очень оптимистическое, открытое в будущее, но при этом на нем лежит неизбежный отсвет близкой смерти поэта. Через два месяца после его создания Баратынский скоропостижно умрет от инсульта 29 июня 1844 года.

«В «Пироскафе» примечательно все то же соединение общих мест и устойчивых мотивов с конкретно-биографическими обстоятельствами

и приметами современности. За последнюю отвечает прежде всего название «Пироскаф», обозначающее относительно недавнее техническое изобретение, судно на паровой тяге, но под парусами [Цит по: Arzamas. Журнал [Электронный ресурс]. При этом достижение цивилизации и прогресса не враждебно, в отличие от других текстов Баратынского («Последний поэт», «Приметы»), стихии, природе и «вымыслам чудесным». «Колеса могучей машины» мирно уживаются не только с поэтическим «лоном пучины» и вздыхающим океаном, но и с мифологической морской нимфой Фетидой, вынимающей «жребий благой», и «влажным богом», повелителем морей [Успенский П. Ф., 2016: 57].

Непосредственные впечатления от морского путешествия — первого в жизни Е. А. Баратынского – накладываются на устойчивую поэтическую традицию описания отплытия, символического начала новой жизни, как в байроновском «Паломничестве Чайльд-Гарольда», пушкинских «Погасло дневное светило...» и прозаическом отрывке «Участь моя решена. Я женюсь...». Описательная конкретика первых строф («Бьют в наш корабль Средиземные волны», «Вот над кормою стал капитан», «Ветру наш парус раздался», «Парус надулся», «Только что чайка вьется за нами») в конце третьей одной строкой переключается в символический план: «С берегом набрежное скрылось, ушло!» [Arzamas. Журнал [Электронный ресурс].

Этот символизм нарастает в конце следующей, четвертой строфы, где марсельские матросы поднимают не просто якорь, но «надежды символ»

Сбывшаяся детская мечта (подтверждаемая юношескими письмами Баратынского) и взрослое понимание того, что много вынесено — «радостей ложных, истинных зол» – и многое решено («Много мятежных решил я вопросов»), помогают поэту благодарно принять настоящее и будущее, а также надежду на благосклонность судьбы

Многоплановость этого текста Баратынского не раз заставляла исследователей и читателей видеть в его образности предчувствие скорой смерти и обращать внимание на двойственность образов жребия, вынимаемого

о из урны, и Элизия, но, кажется, в поэтическое задание текста это едва ли входило. «Пироскаф» означал решение жить: без тоски по прошедшему, с надеждой на будущее и в упоении настоящим моментом. Но лишь душа его разжалась, первая же невзгода оказалась роковой».

2.3 Теодицея в произведениях Баратынского

Теодицея – религиозно-философское учение, оправдывающее Бога за зло на земле, – занимает Баратынского. Ю. Айхенвальд полагает, что именно в этом вопросе сказывается слабость мыслителя; «у него недостает гения и пафоса ни для проклятия, ни для благословения» [Айхенвальд Ю., 2019: 250]. Истина ускользает от него, по отношению к ней он остается «робким недоноском», готовым смиренно «пасть ниц пред Промыслом оправданным», но для того, чтобы верить, Е. А. Баратынскому нужно было убедить себя в этом: Есть бытие и за могилой, Нам обещал его Творец. Спокойны будем: нет сомненья, Мы в жизнь другую перейдем. Ах, как любить без этой веры! [Баратынский Е. А., 1989: 155]. В «Отрывке из поэмы «Вера и неверие», впоследствии перепечатанном как «Отрывок», Е. А. Баратынский говорит о вере, о том, что не нам дано исследовать премудрость Творца.

Размышляя о судьбе человека в поэзии Е. А. Баратынского, Ю. Айхенвальд замечает: божественное пламя тяготит человека и, на мгновенье низвергнутый в вечность, причастный к ней душой, он мучается ею и вместе с тем жаждет ее, сражается из-за нее с богами. И его терзает роковое противоречие – для вечного мира он, робкий человеческий недоносок, еще не созрел [Айхенвальд Ю., 2019: 246–247].

Стихотворение Баратынского «Осень» наполнено обидой бесконечного одиночества человека, в особенности творца, созидателя – чей голос «земное перешел»: Садись один и тризну соверши По радостям земным твоей души! [Баратынский Е. А., 1971: 276] человек – «оратай жизненного поля», некогда всех увлечений друг, сочувствий пламенный искатель – остается один в «вечер

года», он становится одиноким созерцателем бесплодных дебрей, его пронизывает «мертвящий душу хлад», «его смертный стон едва гордыней приглушен» [Баратынский Е. А., 1971: 276].

Он – один, так как пахари, возделавшие жизненное поле, не сойдутся на общую панихиду по утраченным иллюзиям, по разрушенным идеалам, исчезнувшим земным радостям. Ю. Айхенвальд определяет это как особую лирику мысли, утратившую «значительную долю “здешних чувственных примет”» [Айхенвальд Ю., 2019: 239], но зато дарящую «трепетную радость понимания и приобщения к замыслу Вселенной». И в этом отношении, полагает Айхенвальд, Баратынский похож на Гёте, которому он посвятил глубокие стихи «На смерть Гёте»: ...Погас! но ничто не оставлено им. Под солнцем живым без приветя; На все отозвался он сердцем своим, Что просит у сердца ответа; Крылатою мыслью он мир облетел, В одном беспредельном нашел ей предел [Баратынский Е.А., 1971: 217–218].

Дух Гёте вобрал в себя и труды мудрецов, и предания минувших веков, и вдохновенные создания искусств; им был изведен и понят человек в его многообразных проявлениях; в своем творчестве он сполна отдал все дольное долу. В этом стихотворении, отмечает В. Иванов, присутствует почти дословная цитата из пушкинского «Пророка» – поэт, с природою одною жизнью дышащий, внемлет росту растений, чувствует трав прозябанье, понимает говор древесных листов, с ним говорит морская волна, ему открыта таинственная звездная книга.

В основе этого глубокого по мысли стихотворения лежит «идея человеческого духа, способного силой своего творчески сочувственного познания перейти грани личного сознания и вновь обрести свое я в средоточии вселенной» [Иванов, 1987: 164]. В этом стихотворении Баратынский говорит о двух возможностях: или человека ограничен земною жизнью и «за миром явлений, не ждет ничего, – творца оправдает могила его», или нам дана и загробная жизнь, и тогда человек «к предвечному легкой душой возлетит, и в небе земное его не смутит» [Баратынский Е. А., 1971: 217–218]. Это

стихотворение – гимн смерти – последнему закону бытия. Баратынский славит смерть, сохраняющую мир в равновесии, освобождающую «одряхлевшую Вселенную» от буйства бытия, от избытка жизни, осуществляющую конечное равенство бытия, так как она тою же рукою ласкает и властелина, и раба. Но, замечает Ю. Айхенвальд, Баратынский берет у смерти то, «что есть в ней справедливого», но ничего не говорит о трагедии, которую она несет в мир человека, так как он берет ее под защиту и пытается найти «добрый смысл в общем строе жизни, и он часто говорит об оправдании творца» [Айхенвальд Ю., 2019: 250].

В. Иванов полагает, что подобное умозрение «приводит нас к своеобразной теодицее: даже если бы Творец лишил человеческую душу личного бессмертия, приговор его был бы оправдан тем, что душа, как видно на примере Гёте, способна вложить вечное содержание в свое преходящее существование. Но если ей дана жизнь посмертная, она тем легче очистится от изъянов земной жизни, чем сумеет творчески всецело и плодотворно ответить дарами своей любви дарам мира преходящего» [Иванов В., 1987: 164].

Баратынский часто затрагивал тему существования в мире зла и добра, жизни и смерти, размышляет о извечных вопросах бытия и ответах на них. Так, в стихотворении «Признание» Евгений Абрамович напрямую обращается к Богу, задавая извечные вопросы, которые остаются без четкого ответа, выражая свои сомнения и тревоги из-за несправедливостей жизни и страданий, с которыми сталкиваются люди и сам автор. Баратынский не понимает почему в мире, который создал всемогущий Бог, есть место злу и душевным терзаниям о несправедливости.

Вывод по второй главе

Е. А. Баратынский занимал особое место в литературе благодаря своим философским размышлениям и сочетанию эстетической изысканности и эмоциональной глубины. Стилистика поэта характеризуется своей точностью,

лаконичностью и музыкальностью, придавая эмоциональности и выразительности произведениям и выделяя их среди других схожих по тематике. Е. А. Баратынский был мастером своего дела в передаче тонких психологических состояний и философских идей, которые отражали жизненные переживания автора и путь, который он проходил.

Космические мотивы и тема космоса не редко встречались в поэзии поэтов XIX века и носили в себе глубинный смысл, который отражал мысли и чувства лирического героя. Е. А. Баратынский использовал «луну», «небо», «звезды» для отражения собственных чувств и эмоций, придавая глубину своим произведениям. Космические мотивы в его произведениях носили метафорически-философский смысл и выступали как важный элемент мировоззрения, который помогал выразить все думы автора, начиная от места человека во Вселенной и заканчивая вечностью бытия. Через эти мотивы автор стремился постичь извечные вопросы бытия и человеческого предназначения, создавая глубокую и многослойную вселенную для его лирических героев.

Также в поэзии Е. А. Баратынского часто встречаются размышления о Боге и божественной справедливости, ответы на которые ищет учение теодицея. В своих стихах он часто философствует о смысле жизни и природе зла, а также о том «почему Бог, который всемогущий и великий, позволяет людям страдать, а злу существовать?». Его размышления о божественном и земном наталкивали читателей на мысли, которые ранее не были актуальны для человека.

Тема космических мотивов и теодицеи проходит тонкой нитью через всё творчество Е. А. Баратынского придавая уникальность и особую эстетику его поэтике. Автор часто философствовал на самые разные темы, но именно космические мотивы смогли отразить все эмоции и переживания лирического героя и отразить тот путь, что прошел автор.

Заключение

Евгений Абрамович Баратынский – выдающийся русский поэт, чье творчество оказало значительное влияние на развитие русской литературы. В его поэзии прослеживаются глубокие мысли о жизни, любви, природе человеческой судьбе. Баратынский использовал изысканный язык и образы, чтобы передать свои эмоции и мысли. Его стихи отличаются гармонией и эстетической красотой. Творчество Баратынского оценивается как одно из важных явлений в истории русской литературы, и его вклад в развитие поэзии неоспорим.

Евгений Абрамович Баратынский (1800-1844) – один из выдающихся представителей русской поэзии XIX века. Он является автором множества олицетворений и символических образов, которые прослеживаются в его стихотворениях. Ропот- навязчиво-частое повторение историй, пронизанных горечью, тревогой и страданиями. Не редко он выражает еще и утрату, и потерю, которые так близки и понятны Баратынскому. «Что осталось после потери?» тема, актуальная для произведений Евгения Абрамовича и его размышления помогают погрузиться глубже в раздумья о всей тяжести утраты.

Сюжет и ропот-одни из самых важных элементов в поэзии Баратынского. Несчастливая любовь, разочарование и потеря смысла часто встречаются в его стихотворениях в лице переживаний лирического героя. Творчество Евгения пронизано душевными терзаниями, меланхолией, а иногда и отчаянием, которое как нить тянется через все его творчество.

Символика и олицетворение активно использовались Баратынским для придания глубины и чувственности произведениям. Образы, созданные им, носили символический смысл и представляли собой абстракцию, которая лучше погружает читателя в произведение.

Природа как символ и олицетворение душевного состояния Евгения Абрамовича, бесменно отражают его переживания и чувства. Она будто становится безмолвной свидетельницей всех его терзаний и утрат.

Время- еще один символ, используемый Баратынским, который олицетворяет неизбежность прошлого и эфемерность настоящего. Время никого не щадит и не прощает, не поощряет желания и чувства, а лишь ускользает сквозь пальца, вопреки ожиданиям человека.

Символика и олицетворения также важны для передачи чувств и эмоций Баратынского, ведь свои стихотворения он наполняет глубинным смыслом передать который способны лишь символы и олицетворение, иногда в помощь приходят сюжет и ропот. Е.А. Баратынский-великий автор, чье творчество живет и влияет на людей даже через годы.

Стихотворение «Элегия» обращено к теме человеческих страданий и жизненной несправедливости, которая встречается на каждом шагу. Страдания в мире. Который создал автор постоянны и неизменны, в отличии от счастья, которое непостоянно и неоднозначно, и Евгений не может найти разгадку почему же все происходит именно так, почему божественный замысел включает в себя муки терзания, которые длятся долгое время, а счастливые моменты скоротечны. Утерянная надежда- главное размышление автора, ведь со временем вера в изменение состояния уходит и сменяется на принятие. Счастье тяжело обрести и очень легко потерять, а жить в вечной надежде трудно. И все же никогда не нужно опускать руки и пускать все на самотек. Баратынский смог четко передать свои чувства и эмоции, которые придают его произведению глубину и философский смысл.

Лирика Баратынского направлена на то, чтобы читатель задумался над целым рядом тем, и теодицея добавляет к вопросам для размышления как такой: «Поему люди должны жить в мире, где есть зло и несправедливость, если Бог всемогущий и великий?». Евгений Абрамович не понимал, за что люди обречены на страдания и боль, почему счастья так мало, почему же все так трудно в мире созданном могучими божественными силами.

Список литературы

Тексты

1. Баратынский Е. А. Стихотворения и поэмы / Предисл. К. В. Пигарева / Е. А. Баратынский. – Москва: Художественная литература, 1971. – 398 с.

2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. А. Баратынский / Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева; Редкол.: Ю. А. Андреев (гл. ред.) и др.; Вступ. ст. И. М. Тойбина, с. 5-52). – Ленинград: Сов. писатель : Ленингр. отд-ние, 1989. – 462 с. (Б-ка поэта. Осн. М. Горьким в 1931 г. Большая сер.: 3-е изд.).

3. Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем / Е. А. Баратынский / Руководитель проекта А. М. Песков. – Т. 1: Стихотворения 1818–1822 годов / Ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. – Москва: «Языки славянской культуры», 2002. Т. 1. – 512 с.; Т. 2. – 440 с.; Т. 3. – 606 с.

4. Все стихи Баратынского // Русская поэзия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rurоem.ru/baratynskij/all.aspx> (дата обращения 04.06.2024).

5. Баратынский Евгений Абрамович: Собрание сочинений // Сайт Lib.Ru [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/b/baratynskij_e_a/ (дата обращения 04.06.2024).

Основная литература

6. Абрамзон Т. Е., Рудакова С. В. Концепция счастья в лирике Е. А. Баратынского / Т. Е. Абрамзон, С. В. Рудакова // Ученые записки НовГУ, 2018. – № 4 (16). – С. 1–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-schastya-v-lirike-e-a-boratynskogo> (дата обращения: 06.04.2024).

7. Абрамов М. А. Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность : автореферат дис. ... доктора культурологии : 24.00.01 / Абрамов Михаил Александрович; Место защиты: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2007. – 42 с.

8. Айхенвальд Ю. Литературные силуэты // Звучащие смыслы : Космос культуры : Культурологический альманах / отв. ред. и сост. С. Я. Левит / Ю. Айхенвальд. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 239–262.

9. Александров И. Ю. Концепция русского космизма С. Г. Семеновой / И. Ю. Александров // Вестник СПбГИК, 2023. – № 4 (57). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-russkogo-kosmizma-s-g-semenovoy> (дата обращения: 03.06.2024).

10. Алпатова Т. А., Поташова К. А. Поэтический космос Е. А. Баратынского: стихотворение «Осень» в свете карамзинской традиции / Т. А. Алпатова, К. А. Поташова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2016. – № 5. – С. 188–194.

11. Альми И. Л. О поэзии и прозе // Элегии Е. А. Баратынского 1819-1824 годов: к вопросу об эволюции жанра / И. Л. Альми. – Санкт-Петербург: Скифия, 2002. – С. 133-155.

12. Анохина Ю. Ю. Историсофия книги стихов «Сумерки» Е. А. Баратынского и проблема трансформации ценностей / Ю. Ю. Анохина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – № 5., Ч. 2. – С. 225-229.

13. Анохина Ю.Ю. Философские начала книги стихов «Сумерки» Е. А. Баратынского // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. — Москва: Водолей, 2018. – С. 52-71.

14. Балакин А. Ю. Граф Хвостов о поэме Баратынского «Бал» / А. Ю. Балакин // Пушкин и другие (двадцать лет спустя). Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. Сер. «Серия «Luceum»» Институт

русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Отдел пушкиноведения. – Санкт-Петербург; Москва: Издательство: ООО «Издательство «Пальмира»; ООО «Книга по требованию», 2017. – С. 261–265.

15. Бартон Д. Поэт мысли в стихотворении «Все мысль, да мысль!..»: Истина в поэзии Е. А. Баратынского / Публикация и перевод Ю. Ю. Анохиной // Русская литература и философия: пути взаимодействия / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи / Д. Бартон. – Москва: Водолей, 2018. – С. 71-89.

16. Белинский В. Г. О стихотворениях г. Баратынского / В. Г. Белинский. – Москва: Литрес, 2017. – 17 с.

17. Биджиева З. С.-М. Мотив одиночества в стихотворении Е. А. Баратынского «Осень» / З. С.-М. Биджиева // Chronos, 2019. – № 10 (37). – С. 33–35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-odinochestva-v-stihotvorenii-e-a-baratynskogo-osen> (дата обращения: 04.06.2024).

18. Валикова О. А. «Эхо друг друга»: роман А. Жаксылыкова «Поющие камни» в переключке с «Недоноском» Е. А. Баратынского / О. А. Валикова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика, 2015. – № 3. – С. 93–98. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eho-drug-druga-roman-a-zhaksylykova-rojuschie-kamni-v-pereklichke-s-nedonoskom-e-i-boratynskogo> (дата обращения: 06.04.2024).

19. Валуев А. М. «Смерть» Баратынского – предвестие новой поэтической эпохи / А. М. Валуев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2016. – № 12-5. – С. 5-8.

20. Гельфонд М. М. «Пироскаф» Баратынского: жанровый и метрический контекст / М. М. Гельфонд // Новый филологический вестник, 2017. – № 4(43). – С. 70-83.

21. Гельфонд М. М. «Сын – обойдет, но припомнится внуку...». Евгений Баратынский и Циприан Норвид / М. М. Гельфонд //

Метакомпаративистика как интегрирующий подход в гуманитарных науках / Науч. ред.: В. Г. Зусман, Н. Э. Гронская. – Нижний Новгород: Деком, 2014. – С. 66-78.

22. Гиренок Ф. И. Русские космисты: (из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли») / Ф. И. Гиренок. – Москва : Знание, 1990. – 61 с.

23. Голубева О. В. Возвращение в «милую страну» (несколько замечаний к теме «Баратынский и Шатобриан») / О. В. Голубева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2014. – № 9. – С. 216-222.

24. Голубева О. В. На перекрестке литературных традиций (несколько замечаний о французском и английском «влиянии» на поэзию Е. А. Баратынского) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2015. – № 1-1. – С. 279–285.

25. Гребенюк Д. И. Тема пира в поэзии Е. А. Баратынского / Д. И. Гребенюк // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство: Межвузовский сборник / Ред. коллегия: А. В. Курочкина (отв. ред.), В. И. Хрулев, В. В. Пугачев, Г. Г. Ишимбаева, Д. М. Гареева (техн. секр.). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 50–56.

26. Дарвин М. Н. Метаморфозы судьбы и поэтика превращений (из наблюдений над текстом авторской книги-сборника лирики Е. А. Баратынского «Сумерки» 1842 г.) / М. Н. Дарвин // Динамическая поэтика / Поэтическая динамика: сборник статей к юбилею Дины Махмудовны Магомедовой / сост. и ред. В. Б. Зусева-Озкан, В. Я. Малкина. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – С. 9–19.

27. Жилина Н. П. Психологическая традиция «Бедной Лизы» Н. Карамзина в поэме Е. А. Баратынского «Эда» / Н. П. Жилина // Слово.ру: Балтийский акцент, 2016. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskogo-traditsiya-bednoy-lizy-n-m-karamzina-v-poeme-e-a-baratynskogo-eda> (дата обращения: 06.04.2024).

28. Июльская Е. Г., Синяева А. А. Образы птиц в поэзии А. П. Сумарокова / Е. Г. Июльская, А. А. Синяева // Эстетико-художественное пространство мировой литературы: материалы международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения» 19 мая 2015 г. – Москва; Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 30-33.

29. Как читать Баратынского // Arzamas.Журнал [Электронный ресурс]. – URL: <https://arzamas.academy/mag/797-baratynsky> (дата обращения 07.06.2024).

30. Козлов В. И. Сумма элегий: «Осень» Баратынского / В. И. Козлов // Вопросы литературы, 2014. – № 4. – С. 253–272.

31. Кулагин А. В. Пушкинский замысел статьи о Баратынском / А. В. Кулагин // Пушкин: Источники. Традиции. Поэтика. – Коломна: Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2015. – С. 33-49.

32. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – Москва : Интелвак, 2001. – 1600 стб. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/doc71820256_584490706?hash=v9MAkEM0khG3jisyHLGZFxQZWzS2txQWCtY4lyDDeyo&dl=y4UObu8NniPc5FO5bROVEdGccOS75WY31Vm4ez6Ldao (дата обращения 04.06.2024).

33. Лобанова А. С. Поэтический контекст «вакхической песни» / А. С. Лобанова // Временник Пушкинской комиссии. – Санкт-Петербург: Росток, 2016. – Вып. 32. – С. 129-138.

34. Ляпушкина Е. И., Григорьева Е. Н. История одной зависти: Пушкин и Баратынский / Е. И. Ляпушкина, Е. Н. Григорьева // Русская литература, 2018. – № 3. – С. 153–163.

35. Манежина Д. К интерпретации стихотворения Е. Баратынского «Череп» / Д. Манежина // Летняя школа по русской литературе. – Санкт-Петербург: РГПИ им. А. И. Герцена, 2015. – Т. 11, № 1. – С. 52-62.

36. Марков А. В. Резец и мысль: Баратынский и Вагинов / А. В. Марков // Новый мир, 2020. – № 4. – С. 177-179.

37. Мурановские чтения – 2015: материалы научных конференций, 6 марта и 3-4 декабря 2015 года / Отв. ред. А. А. Сахно. – Москва: Спутник +, 2016. – 172 с.

38. Налегач Н. В., Ходанен Л. А. Новые парадигмы литературоведческих исследований. рецензия на книгу: Рудакова С. В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Баратынского: Монография– Магнитогорск, 2013. 164 с. / Н. В. Налегач, Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал, 2014. – № 2. – С. 256-260.

39. Никульцева В. В. Словотворчество Е. Боратынского в контексте русской литературы XIX - XX вв. / В. В. Никульцева // Русский язык в школе: Научно-методический журнал. 2014. –№ 7. – С. 46–50.

40. Омарова Е. А. Тематика поэм Е. А. Баратынского / Е. А. Омарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – № 5-2 (71). – С. 19–21.

41. Патроева Н. В. Концепт «бытие» в поэтической картине мира Е. А. Баратынского: к реконструкции языковой личности «поэта мысли» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты, 2014. – № 19. – С. 160-169.

42. Петров А. В., Рудакова С. В. Антиномичность лирики Е. А. Боратынского // Современные достижения университетских научных школ. Сборник докладов национальной научной школы-конференции. Вып. I. – Магнитогорск: МаГТУ им. Г. И. Носова, 2016. – С. 135–139.

43. Петухова Ю. Ф. Открытое, закрытое пространство в ранней лирике Е. А. Боратынского на примере стихотворения «Я возвращуся к вам, поля моих

отцов» / Ю. Ф. Петухова // Text. Literary work. Reader: materials of the VI international scientific conference on May 20–21, 2018 – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018 – С. 27–29.

44. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: ГИХЛ, 1959-1962. – Т. 6. Критика и публицистика. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1038.htm> (дата обращения 04.06.2024).

45. Ромащенко С. А. О сближении отдаленного: уникальность стиля и универсалии лирического сюжета («Осень» Баратынского и «Несжатая полоса» Некрасова) / С. А. Ромащенко // Сибирский филологический журнал, 2013. – № 2. – С. 92-100.

46. Рудакова С. В. Системность художественного мышления Е. А. Баратынского – лирика. Дис. доктора филологических наук. 10.01.01. / С. В. Рудакова. – Магнитогорск, 2014. – 555 с.

47. Рудакова С. В. Трагедия человека в «Недоноске» Е. А. Баратынского / С. В. Рудакова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-cheloveka-v-nedonoske-e-a-boratynskogo> (дата обращения: 06.07.2024).

48. Семенко И. М. Баратынский // В Поэты пушкинской поры: Батюшков. Жуковский. Денис Давыдов. Вяземский. Кюхельбекер. Языков. Баратынский / И. Семенко. - Москва : Худож. лит., 1970. – 292 с. – С. 221–291.

49. Тихомирова А. О. Традиции Е. А. Баратынского в любовной поэзии А. Ахматовой / А. О. Тихомирова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти д. филол. н., профессора К. А. Войловой / Ответственный редактор О. В. Шаталова. – Москва: МГОУ, 2019. – С. 222-227.

50. Успенский П. Ф. Некрасов и Баратынский: вокруг рецензии на «Дамский альбом», новых взглядов на брак и двух любовных стихотворений П. Ф. Успенский // Slavica Revalensia, 2016. – Т. 3. – С. 48 – 69.

51. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова; науч. редакторы-сост.: П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодухин. – Изд. 8-е, дораб. и доп. – Москва: Респ.: Современник, 2009. – 845 с.

52. Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского / Л. Г. Фризман. – Москва: Наука, 1966. – 142 с.

53. Фукс-Шаманская Л. П. Восприятие творчества Е. А. Баратынского в послевоенной германии (на примере романа Кристофа Меккеля «Известие для Баратынского») / Л. П. Фукс-Шаманская // Россия — Германия: литературные встречи (после 1945 года). М.: ИМЛИ РАН, 2022. – С. 383–392.

54. Хетсо, Гейр. Евгений Баратынский: Жизнь и творчество / Гейр Хетсо. – Oslo ; Bergen ; Universitetsforlaget, 1973. – XIV, 739 с.

55. Цзин Ц. Оппозиция «жизнь – смерть» в поэзии Е. А. Баратынского / Ц. Цзин // Вестник Орловского государственного университета. Сер: Новые гуманитарные исследования, 2014. – № 6(41) – С. 382–384.

56. Цзин Ц. Пространственный контраст в поэзии Е. А. Баратынского / Ц. Цзин // Филология и культура, 2015. – № 1(39). – С. 106-110.

57. Чжоу Лу. Поэзия Лермонтова и Баратынского в Китае вчера и сегодня / Лу Чжоу // Вопросы литературы, 2019. – № 1. – С. 205-216.